

УДК 930.2

Губанов Илья Борисович, к.и.н., старший научный сотрудник отдела европейстики Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: gilya1969@mail.ru

ВЛАСТЬ КОНУНГА И ВЛАСТЬ БОНДОВ: ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО
В СКАНДИНАВИИ X – XII ВВ. ПО СНОРРИ СТУРЛУСОНУ И САКСОНУ
ГРАММАТИКУ И ЕГО ЗАКАТ

Аннотация: в статье анализируются и сравниваются два важнейших источника по истории раннесредневековой Норвегии и Дании: "Круг Земной" Снорри Стурлусона и "Деяния данов" Саксона Грамматика. Преимущественно на основании этих источников делается вывод, что до конца XII века скандинавское общество оставалось глубоко традиционным. Народные собрания (тинги) выбирали конунгов, дружине конунга было трудно противостоять народному ополчению бондов. Лишь в конце XII столетия социальная структура кардинально изменилась. После того, как народное ополчение в Сконе было разбито конной дружиной епископа Абсалона, оформилось стратифицированное общество, в котором власть, опираясь на профессиональное войско, эксплуатировала крестьянство (путем как налогов, так и феодальной ренты).

Ключевые слова: Снорри Стурлусон, «Круг Земной», Саксон Грамматик, «Деяния данов», древнескандинавское общество, бонды, конунги, тинг, феодализм

Ilya B. Goubanov, PhD, senior scientific researcher of the Department of European Studies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

POWER KING AND POWER BONDS: SCANDINAVIAN TRADITIONAL
SOCIETY X-XII CENTURIES ACCORDING TO SNORRI STURLUSON AND
SAKSON GRAMMATICUS AND ITS SUNSET

This article analyzes and compares the two most important source on the early history of Norway and Denmark: «The Heimskringla» by Snorri Sturluson and «Acts of the Danes» by Saxo Grammaticus. Mainly based on these sources, it is concluded that until the end of the 12th century Scandinavian society remained deeply traditional. People's congresses («things») were choosing the Kings, plus kings were hard to resist the people's militia of «bonds». Only at the end of the 12th century, the social structure changed dramatically. After the militia in Skåne was broken by Bishop Absalon's riders, emerged stratified society, where power, relying on a professional army, exploited the peasantry (by taxes and feudal rent).

Keywords: Snorri Sturluson, «Heimskringla», Saxon Grammaticus «Gesta Danorum», Old Scandinavian Society, bonds, konungs, Thing, feudalism.

В исторической науке сложились некоторые стереотипы, которые мне хотелось бы развеять. Так, чрезвычайно устойчиво, особенно в отечественной традиции, представление о некоем особом историческом периоде, т.н. "эпохе викингов" (IX-XI вв.). Якобы на этот промежуток времени падает особый исторический период в жизни европейского Севера. «Эпоху викингов» принято характеризовать, как время частых набегов скандинавов на Западную Европу и путешествий с торговыми целями по восточноевропейским рекам. Считается, что в «эпоху викингов» существовал особый общественный уклад в самой Скандинавии и некое единство материальной культуры [Лебедев 1985].

Напротив, преимущественно среди американских и английских историков

и археологов распространено мнение, что народоправство и вся общественная структура Исландии после заселения ее норвежскими колонистами в конце IX - первой половине X вв., столь ярко показанная в исландских родовых сагах, представляет собой чисто исландское изобретение, новообразование, а в континентальной Скандинавии задолго до эпохи викингов якобы сложились феодальные отношения и иерархическое общество [Байок 2012] (критику этой точки зрения см. в моей монографии [Губанов 2016]). При этом почему-то привлекаются источники из регионов германо-романского синтеза, в частности, франкские (например, Григорий Турский). В отечественной науке после работ А.Я. Гуревича такая точка зрения, естественно, вряд ли может приобрести множество сторонников [Гуревич 2009].

А. А. Хлезов обратил внимание на то, что по многим параметрам выделять «эпоху викингов» с конца VIII по XI вв. — операция достаточно искусственная, а традиционное древнегерманское общество сложилось на Севере Европы, судя по археологическим данным, в глубокой древности: «Структура северного общества сложилась в своих основных чертах в эпоху бронзы. Доминирующая прослойка свободного населения; незначительно возвышающаяся над ним родоплеменная знать, определяющая границы небольших королевств; сравнительно небольшое (и стабильное) число зависимого населения; дифференцированные от основной массы и обособленные по социальному статусу ремесленники-специалисты и, возможно, жречество. Эта структура, с незначительными изменениями, доживает до начала настоящего политогенеза в Скандинавии в X–XI вв. и у нас нет оснований думать, что социальные структуры претерпели в самой Скандинавии заметные изменения за две с лишним тысячи лет. Собственно, именно эта устойчивость и обеспечила высокую преемственность констант северной культуры. Отдельным вопросом остается процесс кристаллизации дружинных структур. Без сомнения, походы на Запад его ускорили и активизировали. Однако и Тацит, и находки в Иллерупе, и прочие многочисленные данные убедительно

свидетельствуют, что дружины при конунгах были реальностью на рубеже эр и, несомненно, существовали и ранее. Собственно, освоение и частичная колонизация балтийских побережий в V–VIII вв. были осуществлены в основном их руками. Поэтому дружинники как социальная прослойка никак не связаны в своем генезисе с концом VIII в.» [Хлевов 2018: 20].

В частности, ученый отметил, что значительные социальные изменения, связанные с попытками формирования ранней государственности, происходят, судя как по археологическим, так и по письменным источникам скандинавским источникам (в частности, исландским сагам) в конце IX — начале X века: «Но наибольший интерес вызывает период около 900 г. Можно полагать, что как раз в это время накопившиеся сдвиги, вызванные походами на восток и запад, наконец дали качественный результат. Ощутимы изменения, привязанные к этому времени, во всех жизнеобразующих областях: в рунической письменности, экспериментах с государственной властью, смене типов вооружения, возникновении «гокстадского стандарта» в кораблестроении, угасании старых династий «меровингско-вендельского» образца, корректировке форм внешней экспансии, возникновении устойчивого интереса к христианству и т.д. Показательно, что длительно существующие «минигосударства», такие как хутор Борг на Лофотенах или «Вендельская держава», благополучно переживают начало походов и угасают именно к этому времени, уступая место новому политогенезу» [Хлевов 2018: 25]. Я полностью согласен с этим утверждением [Губанов 2016: 24 — 29, 111 — 120].

Действительно, на протяжении столетий прослеживается глубокая традиционность, архаичность структуры общества и социальных отношений в Скандинавии по крайней мере с I в. н.э. по XII в. включительно. Особенно наглядно это видно если, например, сравниваются данные "Германии" Корнелия Тацита по древним германцам и те сведения, которые мы можем получить по т.н. "эпохе викингов" из письменных и археологических источников. Как видно, общество, да и базовые элементы материальной культуры, вроде "длинных домов"

и хуторской системы расселения, изменились мало по крайней мере за I тысячелетие н.э. [Губанов 2017].

Ключевым для нашей темы следует считать тот факт, что в Скандинавии вплоть до последней четверти XII столетия вооруженное народное ополчение выступало в качестве силы, которая могла себя реально противопоставить властным амбициям военных вождей – конунгов, с их гораздо менее многочисленными дружинами.

С.В. Кулланда приводит многочисленные примеры существования такой системы в традиционных обществах у различных этносов: «История, в частности история Древнего Востока, показывает, что во всех тех обществах, где основной военной силой оставался вооруженный народ, например у хеттов, власть была вынуждена считаться с мнением народа.. В противном случае она подвергалась опасности, от которой не всегда могло выручить регулярное войско... Активная роль рядового свободного населения в политической жизни и, как следствие, ограниченность произвола власти отнюдь не были специфически яванским явлением. О тех же особенностях социально-политического устройства свидетельствуют и примеры других ранних обществ, в частности Киевской Руси... Такое положение определялось прежде всего тем обстоятельством, что все свободные были в древнерусском государстве воинами. Даже «робичичу», незаконному сыну, прижитому от рабыни, полагалось в виде доли наследства выделить коня и доспехи, т.е. обладание оружием было правом и обязанностью любого свободного... Хотя древнерусским войском, как правило, предводительствовал князь, вои-простолюдины могли действовать в битвах и самостоятельно, против княжеской воли. Например, в 1093 г. киевское ополчение, вопреки увещаниям Владимира Мономаха, настояло на переправе через р. Стугну и вступило в битву с половцами. Сила народного ополчения предопределяла и высокую социальную активность рядовых свободных, и их значительное влияние на государственные дела. Вооруженный народ всегда мог одолеть сравнительно

немногочисленную княжескую дружину¹. Так, в 1159 г. полочане восстали против своего князя Ростислава, истребили его дружину, и сам князь едва спасся, предупрежденный своим детским. В 1157 г. Юрий Долгорукий, умирая, завещал Ростово-Суздальское княжение своим сыновьям Михаилу и Всеволоду, но «Ростовцы и Суздальцы, здумавшие вси, пояша Андрея, сына его старейшаго, и посадиша и в Ростове на отни столе и Суздали, занеже бе любим всеми за премногую добродетель». О периодическом изгнании из Новгорода неугодных строптивых князей и говорить нечего... Как ни стремилось государство заменить крестьянское ополчение профессиональным войском, в некоторых странах, в частности в Норвегии, сделать это так и не удалось. Показательно, что именно в Норвегии противодействие усилению королевской власти проявилось особенно сильно: в результате восстаний биркебейнеров в конце XII в. была свергнута правящая династия» [Кулланда 1993: 381, 385 – 387].

Структурно древнескандинавское общество состояло из патрилокальных расширенных семей, расселение которых носило хуторской характер. Даже там, где формировались деревни (преимущественно в Дании), они состояли из таких сомкнутых хуторских хозяйств. Семья из, как правило, трех поколений родичей – из отца и матери и сыновей с их женами и детьми (что, естественно, лимитировалось продолжительностью жизни патриарха-домохозяина) – жила под одной крышей длинного дома с центральными очагами, и владела землей и скотом. Хозяйство патрилокальной расширенной семьи, которое называлось *одаль*,

¹ Для Древней Руси это утверждение, на мой взгляд, гипотетично, так как неизвестно реальное соотношение сил вооруженного лично свободного и несвободного населения, и, в конечном счете, соотношение сил народного ополчения и хорошо организованных княжеских и боярских дружин. Возможно, случаи, когда во время городских восстаний князья вынуждены были считаться с народом, связано с усилением городов в конце XI – XII вв. (Новгородская Республика обрела самостоятельность с усилением боярства с хорошо вооруженными дружинами новгородских бояр, разгромивших шведское народное ополчение с конунгом во главе в крупной битве на Воронеге в Южном Приладожье в 1164 г. – [Кузьмин 2015]). Мне представляется, что древнерусская ситуация была ближе к модели романской средневековой Европы (включая Британию после нормандского завоевания 1066 г.), т.к. системы, когда на народных собраниях ставят князей, как в Скандинавии XII в. выбирали конунгов, на Руси не прослеживается.

передавалось по линии нисходящих мужских родичей из поколения в поколение. Зажиточные бонды имели крупные хозяйства, и у них под одной крышей с собственно патрилокальной расширенной семьей жили домочадцы и домашние рабы – *трэли*. Слой богатых бондов, имевших значительные домохозяйства, вполне мог соперничать с *ярлами*, *хавдингами* и прочей родовой знатью по богатству и степени влияния в обществе и вполне мог организовать бондов на сопротивление от притеснения высшей родовой знати – родовитых, как правило, пожизненно выбираемых на тингах военных вождей – *конунгов*.

Сходную социальную стратификацию и ведение хозяйства можно реконструировать у славян в эпоху Раннего Средневековья, как писал в начале XX века в «Лекциях по русской истории» А. Е. Пресняков: «Прокопий (VI в.) изображает их жилье в жалких хижинах, разбросанных далеко друг от друга. Но объем этих казавшихся культурному византийцу «жалкими» дворич определялся бытовыми потребностями сотрудничества и самозащиты. Состав такой группы – из кровной родни, внутренний ее строй типичен для всей славянской территории и восточного, и западного, и южного славянства, как был он в свое время типичен для германских и кельтских племен, расселявшихся в сходных условиях: это группа из отца с двумя-тремя взрослыми сыновьями и их семьями, трех-четырех братьев на безраздельном хозяйстве, лишь редко, особенно у западных и восточных славян, разрастающаяся шире. Южные славяне знавали и семейную общину свыше десятка мужчин. Объединенные общей жизнью «на одном хлебе», общим хозяйством и работой, они создают и общее имущество, которое принадлежит всей группе, составляя одно имущественное целое. Пока во главе стоит кровный старшой – отец, перед нами нераздельная «большая семья», патриархальная по внутреннему строю. При нераздельности братской семьи патриархальность исчезает, возникает типичная «семейная община» с общим имуществом» [Пресняков 1993: 296].

А.Я. Гуревич, Г.С. Лебедев и С.В. Кулланда отмечали неразрывную связь

социально-экономической структуры, состоящей из расширенных семей, владеющих наследственными хозяйствами, с возможностью содержать могучее народное ополчение: «С регулярным функционированием народного ополчения связана важная закономерность. В войско единовременно призывались далеко не все боеспособные мужчины. Подсчеты, сделанные на скандинавском материале, показывают, что в военных действиях должен был участвовать максимум каждый четвертый, способный носить оружие [Лебедев 1985: 15]. Участие в военных действиях было тяжелым бременем для крестьянства, именно поэтому в большинстве обществ крестьяне предпочитали поступиться и этим, и многими другими гражданскими правами ради сохранения благосостояния. Существование традиционной социальной организации, где основную роль играл народ-войско, было возможно «до тех пор, пока сохранялось единство большесемейного коллектива» и «глава семьи и его взрослые сыновья имели возможность сочетать производственную деятельность с исполнением общественных обязанностей. Без ущерба для домохозяйства бонд мог уходить на войну... посещать судебные сходы – дома оставалось достаточное количество рабочих рук» [Гуревич 304]. Эта закономерность действовала и на древней Яве. Все древние и современные яванские обозначения понятия «семья» указывают на существование в конце I тысячелетия н. э. большой патриархальной, а не нуклеарной (малой) семьи: так, древнеяванское *rahulunan* – «семья» образовано, как и латинское *familia*, от слова со значением «раб», т. е. в число домочадцев включалась, как и в Риме, челядь; заимствованное же из санскрита слово *kula*, и в санскрите обозначающее отнюдь не нуклеарную семью, в яванском всегда уточняется за счет понятия, имеющего более широкое значение: *warga* – «множество, группа» (*kulawarga*), *gotra* – «агнатическая группа» (*kulagotra*) и т. п.» [Кулланда 1993: 387].

Особенное значение для понимания взаимоотношения сельского общества и родовой знати, бондов и конунгов в Скандинавии на протяжении X - XII вв. имеют два скандинавских источника первой половины XIII в.: "Круг Земной"

исландского хавдинга Снорри Стурлусона на древнеисландском языке и "Деяния данов" ученого датчанина Саксона Грамматика на латинском языке.

В соответствии с саговой традицией, королевские саги Снорри базировались преимущественно на рассказах очевидцев, передаваемых изустно на протяжении поколений (как, например, имело место в арабской традиции), поэтому сохранили множество ярких описаний событий, в которых действуют живые люди. Интересные для нашей темы исторические деятели снорриевского повествования – это могучий бонд Асбьёрн из "Саги о Хаконе Добром" и свейский лагман (законоговоритель на тинге) Торгнюр из "Саги об Олаве Святом". "Деяние данов" Саксона Грамматика более связано с античными литературными и историческими традициями.

Книги с I по IX у Саксона Грамматика носят легендарный характер. В них, наряду со средневековыми сказочными сюжетными штампами, бытовавшими на скандинавской почве в виде, например, т.н. "саг о древних временах", находим и мощные архаичные древнескандинавские легенды о хитроумной кровной мести Амлета за отца захватившему престол конунга дяде (книги третья и четвертая — [Саксон Грамматик 2017: 108 — 126]), о подстрекательстве конунга Ингелля, сына Фродо, к мести великим героем Старкадом (книга шестая, этот сюжет имеет параллели в древнеанглийском эпосе — [Саксон Грамматик 2017: 224 — 232]), об эпической битве при Бравалле между свеями и данами в поздневендельскую эпоху, описание которой предваряет перечень принявших участие в битве героев, некоторые из которых были предками реальных исландских родов (книга восьмая — [Саксон Грамматик 2017: 274 — 286]). Эти легенды вовсе не уступают по насыщенности, притчевости и трагической выразительности древнегреческим мифам, например, о подвигах Геракла [Диодор Сицилийский 2000: 24 — 47].

Книги с X по XVI носят у Саксона исторический характер, причем в них действуют не столько люди, как у Снорри (что вызвано, как я указал выше, устным характером источников саг), а целые социальные группы и их представители:

конунги и их дружины, епископы со своими дружинами, и, разумеется, главная социальная сила - народ, сельское население, бонды, собирающиеся на народные собрания (*тинги*) в Зеландии, Ютландии и Сконе, и на войну выступающие в составе народных ополчений. Так происходило вплоть до конца XII в., когда при конунге Вальдемаре I и его главном военачальнике, флотоводце и советнике епископе Абсалоне могущество бондов было, наконец, сломлено знатью.

Какие свидетельства силы бондов, опирающейся в качестве своих вождей на определенный слой в среде самих бондов - на богатых, могучих бондов, можно найти в "Круге Земном" Снорри Стурлусона? Таких свидетельств множество, я выбрал два наиболее ярких, касающихся Норвегии и Швеции в X – XI столетии.

В «Саге о Хаконе Добром» особенно примечательна гордая речь бонда Асбьёрна из Медальхуса, которую он держал на Фростатинге, предостерегая конунга от волюнтаристских действий, которые могут ущемить исконные права бондов (события происходили в середине X века). Согласно Снорри, Асбьёрн говорил так.

þat hugðum vér bæendr, Hákon konungur! segir hann, at þá er þú hafðir hit fyrsta þing átt hér í Þrándheimi, ok höfðum þik til konungs tekit, ok þegit af þér óðul vár, at vér hefðim þá höndum himin tekit; en nú vitum vér eigi hvárt heldr er, at vér munum frelsi þegit hafa, eða mantu nú láta þrælka oss af nýju með undarligum hætti, at vér munim hafna átrúnaði þeim, er feðr várir hafa haft fyrir oss ok alt forellri, fyrst um brunaöld, en nú um haugsöld, ok hafa þeir verit miklu göfgari en vér, ok hefir oss þó dugat þessi átrúnaðr. Vér höfum lagt til yðar svá mikla ástúð, at vér höfum þik ráða látit með oss öllum lögum í landinu ok landsrétt. Nú er þat vili várr ok samþykki bóndanna, at

— Мы, бонды, думали, Хакон конунг, когда ты созвал первый тинг здесь в Трандхейме и мы взяли тебя в конунги и получили от тебя обратно наши отчины, что мы схватили небеса руками, но теперь мы не знаем, что и думать: получили мы от тебя свою свободу или ты намереваешься превратить нас снова в рабов, делая нам странное предложение — оставить веру, которой придерживались до нас наши отцы и все наши предки еще в век сожжения и потом в век курганов. Они были гораздо могущественнее, чем мы, но ведь и нам эта вера была до сих пор впрок. Мы так полюбили тебя, что позволили распоряжаться

halda þau lög, sem þú settir oss hér á Frostabingi ok vér játuðum þér; viljum vér allir þér fylgja ok þik til konungs halda, meðan einnhverr er lífs bóndanna þeirra, er hér eru nú á þinginu, ef þú konungr, vill nökkut hóf við hafa, at beiða oss þess eins, er vér megum veita þér, ok oss sé eigi úgeranda. En ef þér vilit þetta mál taka með svá mikilli freku, ok deila afli ok ofríki við oss, þá höfum vér bæendr gert ráð vart, at skiljast allir við þik ok taka oss annan höfðingja, þann er oss haldi til þess, at vér megim í frelsi hafa þann átrúnað, sem vér viljum. Nú skaltu, konungr kjósa um kosti þessa, áðr þing sé slitit. Að erendi þessu gerðu bæendr róm mikinn, ok segja at þeir vilja svá vera láta.

всеми законами и правом в стране. И вот воля наша и решение бондов — держаться тех законов, которые ты сам дал нам здесь на Фростатинге и которые мы приняли. Мы будем все поддерживать тебя и признавать тебя конунгом, пока мы живы, каждый из бондов, кто здесь на тинге, если только ты, конунг, будешь соблюдать меру и желать от нас лишь того, что мы можем для тебя сделать, и что выполнимо. Если же ты будешь настаивать на своем предложении с таким упорством, что применишь против нас силу, то тогда мы, бонды, решили все расстаться с тобой и взять себе другого правителя, такого, который позволит нам свободно держаться той веры, какой мы хотим. Выбирай, конунг, между этими двумя возможностями до того, как кончится тинг.

Когда эта речь была кончена, бонды шумно выразили свое одобрение, заявляя, что будет так, как сказал Асбьёрн [Снорри Стурлусон 1995: 75 – 76].

(Перевод М. И. Стеблин – Каменского)

Согласно Снорри, и в Швеции верховенство в решениях было также за народным тингом в Уппсале, который вполне мог диктовать конунгу свое волю. В известном эпизоде «Саге об Олаве Святом» законоговоритель, свейский бонд Торгнюр выступает не только воспитателем ярла Рёгнвальда (который впоследствии обосновался в Старой Ладоге, основав «ладожское ярлство» по воле жены Ярослава Мудрого Ингигерд, и потомки которого стали в середине XII видными новгородскими политиками, победившими свеев в битве на р. Вороной в 1164 г., которая была значительно крупнее битвы Александра Невского со свеями

ярла Биргера в следующем столетии– [Кузьмин 2015]), но и выразителем воли свейских бондов, которые желали, вопреки воле конунга, заключения мира с конунгом Норвегии. Старый и мудрый Торгнюр, вспоминая исторические примеры и упрекая конунга, угрожает ему свержением с престола, если он откажется выполнять волю народа, волю бондов. В «Саге об Олаве Святом» эти события первой четверти XI века описываются следующим образом.

Þá stóð upp Þorgnýr. En er hann stóð upp, þá stóðu upp allir bændr, þeir er áðr höfðu setit, ok þustu at allir, þeir er í öðrum stöðum höfðu verit, ok vildu hlýða til, hvat Þorgnýr mælti. Var þá fyrst gnýr mikill af fjölmenni ok vápnmm. En er hljóð fékkst, þá mælti Þorgnýr: Annan veg er nú skaplyndi Svíakonunga, en fyrr hefir verit. Þorgnýr föðurfaðir minn mundi Eirík Uppsalakonung Emundarson, ok sagði þat frá honum, at meðan hann var á léttasta aldri, at hann hafði hvert sumar leiðangr úti ok fór til ýmissa landa, ok lagði undir sik Finnland ok Kirjálaland, Eistland ok Kúrland, ok víða um Austrlönd, ok mun enn sjá þær jarðborgir ok önnur stórvirki, þau er hann gerði; ok var hann eigi svá mikillátr, at eigi hlýddi hann mönnum, ef skylt áttu við hann at ræða. Þorgnýr faðir minn var með Birni konungi langa ævi; var honum hans siðr kunnigr; stóð um ævi Bjarnar hans ríki með styrk miklum en engum þurð, var hann dæll sínum vinum. Ek má muna Eirík konung hinn sigrsæla, ok var ek með honum í mörgum herförum; jók hann ríki Svía, en varði harðfengliga; var oss gott við hann ráðum at koma. En konungr þessi, er nú er, lætr engi mann þora at mæla við sik, nema þat einu, er hann vill vera

Тут поднялся Торгнюр. Когда он встал, встали и все бонды, которые раньше сидели, а те, кто стоял поодаль, протиснулись вперед, чтобы лучше слышать, что скажет Торгнюр. Поднялся сильный шум из-за толкотни и бряцания оружия. Когда шум стих, Торгнюр сказал:

— Теперь конунги шведов ведут себя совсем не так, как бывало прежде. Торгнюр, мой дед, помнил уппсальского конунга Эйрика сына Эмунда. Он рассказывал, что когда тот был в расцвете сил, он каждое лето набирал войско и отправлялся походом в разные страны. Он подчинил себе Финнланд, Кирьяланд, Эйстланд, Курланд и многие земли на востоке. Еще и сейчас можно видеть построенные им земляные укрепления и другие сооружения. Но он все же не был столь высокомерен, чтобы не слушать тех, у кого к нему было важное дело. Торгнюр, мой отец, долгое время был с конунгом Бьёрном и хорошо знал его нрав. Пока Бьёрн правил, его могущество росло и крепло, а не становилось меньше. Однако и он был добр к своим друзьям. Я помню и конунга Эйрика Победоносного. Я был с ним во многих походах. Он увеличил

láta, ok hefir hann þar við alt kapp, en lætr skattlönd sín undan sér ganga af eljanleysi ok þrekleysi. Hann gírnist þess at halda Noregs veldi undir sik, er engi Svíakonungr hefir þat fyrr ágirnzt, ok gerir þat mörgum manni úró. Nú er þat vili várr búandanna, at þú, Ólafir konungr, gerir sætt við Ólaf digra Noregs konung ok giptir honum dóttur þína Ingigerði. En ef þú vilt vinna aptr undir þik ríki þau í Austrvegi, er frændr þínir ok foreldri hafa þar átt, þá viljum vér allir fylgja þér þar til. Með því at þú vilt eigi hafa þat, er vér mælum, munum vér veita þér atgöngu ok drepa þik, ok þola þér eigi úfrið ok úlög; hafa svá gert hinir fyrri foreldrar várir, þeir steyptu konungum í eina keldu á Múlaþingi, er áðr höfðu uppfylzt ofmetnaðar, sem þú við oss. Seg nu skjótt, hvern kost þú vilt upptaka. Þá gerði lýðrinn þegar vápnabrák ok gný mikinn. Konungrinn stendr þá upp ok mælti, segir, at alt vill hann vera láta, sem bæendr vilja; segir, at svá hafi gert allir Svíakonungar, at láta bæendr ráða með sér öllu því, er þeir vildu. Staðnaði þá kurr búandanna. En þá töluðu höfðingjar, konungr ok jarl ok þorgnýr, ok gera þá frið ok sætt af hendi Svíakonungs, eptir því sem Noregs konungr hefir áðr orð til send. Var á því þingi þat ráðit, at Ingigerðr dóttir Ólafs konungs skyldi vera gipt Ólafi konungi Haraldssyni. Seldi konungr jarli í hendr festar hennar, ok fékk honum í hendr alt sitt umboð um þann ráðahag, ok skildust þeir á þinginu at svá loknum málum. En er jarl fór heim, þá hittust þau Ingigerðr konungsdóttir ok töluðu sín í milli um þetta mál. Hon sendi Ólafi konungi slæður af pelli gullsaumaðar mjök ok silkiræmur. Fór jarl aptr í Gautland, ok

владения шведов и никому не позволял посягать на них, но и он всегда прислушивался к нашим советам. А конунг, который теперь правит, не позволяет никому говорить ничего, кроме того только, что ему по вкусу, и тратит на это все силы, а те земли, которые должны платить ему дань, он растерял из-за своей нерешительности и слабости. Он пытается удержать за собой Норвегию, чего не делал ни один конунг шведов, и навлекает этим беды на многих людей. Мы, бонды, требуем, чтобы ты заключил мир с Олавом Толстым, конунгом Норвегии, и отдал ему в жены свою дочь. Если ты захочешь вернуть те земли в Восточных Странах, которыми раньше владели твои предки и родичи, мы все пойдем за тобой. А если ты не пожелаешь сделать то, что мы требуем, мы восстанем против тебя и убьем тебя. Мы не хотим терпеть немирье и беззаконие. Так раньше поступали наши предки: они утопили в трясине на Мулатинге пятерых конунгов за то, что те были такими же высокомерными, как ты. А теперь отвечай, каково будет твое решение. Тут бонды стали бряцать оружием, и поднялся сильный шум. Тогда встает конунг и говорит, что он сделает всё, как хотят бонды. Он говорит, что так делали все конунги шведов: они всегда поступали так, как решали бонды. Тогда бонды перестали шуметь. Потом говорили знатные люди, конунг, ярл и Торгнюр. Они согласились на условия конунга

Björn með honum. Björn dvaldist þar litla stund, ok fór hann þá aptr í Noreg með föruneysi sínu; ok er hann hitti Ólaf konung ok sagði honum erendislok, þau sem váru, þá þakkaði konungr honum vel ferðina, ok sagði sem var, at Björn hafði gæfu tilborit at koma fram erendinu í úfriði þessum.	Норвегии и заключили с ним мир от имени конунга шведов. Там же на тинге было решено, что Ингигерд, дочь конунга Олава, будет выдана замуж за Олава конунга сына Харальда. Конунг обещал ярлу выдать свою дочь за Олава и поручил ему позаботиться об этой женитьбе. На этом тинг закончился, и все разошлись. Перед отъездом домой ярл повидался с Ингигерд конунговой дочерью, и они обсудили предстоящую женитьбу. Она послала Олаву конунгу шелковый плащ с золотым шитьем и серебряный пояс. Ярл направился обратно в Гаутланд, и Бьёрн поехал с ним. Бьёрн погостил еще немного у ярла и потом отправился со своими людьми обратно в Норвегию. Когда он встретился с Олавом, он рассказал ему, чем кончилась его поездка. Конунг благодарит его за то, что тот сделал, и говорит, что большая удача сопутствовала ему, раз ему удалось выполнить поручение конунга во время такого немирья. [Снорри Стурлусон 1995: 219 – 220]. (Перевод Ю.К. Кузьменко)
---	--

В XI столетии в Норвегии народное ополчение значительно превосходило дружину конунга. Если конунг не считался с этим, судьба его оказывалась в значительной степени predetermined. Так, конунг Олав Святой, насильно введивший христианство с помощью крутых мер, предпочел славную гибель в бою против ополчения бондов сохранению власти, пав в битве при Стикластадире, со слов очевидцев подробно описанной в «Саге об Олаве Святом» «Круга Земного» Снорри Стурлусона. Особо следует обратить внимание на такие моменты, как многочисленность ополчения бондов в сравнении с войском конунга, группировку сил народного ополчения бондов вокруг хорошо организованных

дружинных отрядов местной родовой знати (). Также важно, что в своей речи против конунга Олава на тинге бондов епископ данов Сигурд особо подчеркивает чужеродный для общества бондов характер дружины конунга-викинга Олава, хотя следует понимать, что такова была, в сущности, природа всех дружин древнегерманских вождей, а здесь это использовано для пропаганды против ненавистного бондам крутого конунга-христианина. Также характерно для психологии т. н. «двоеверия» или «народного христианства» вера в то, что кровь Олава Святого, попав на рану его убийцы Торира Пса, исцеляет ее, а сам Торир первым признает святость конунга.

En er Ólafr konungr hafði fylkt liði sínu, þá talaði hann fyrir þeim, mælti svá, at menn skyldu herða hugi sína ok ganga djarfliga fram, ef orrosta verðr, segir hann: Höfum vér lið gott ok mikit, en þótt bæendr hafi lið meira nökkuru, þá mun auðna ráða sigri. Er því fyrir yðr at lýsa, at ek mun eigi flýja or orrostu þessi; skal ek annathvárt sigrast á bóndum, eða falla hér elligar. Vil ek þess biðja, at sá hlutr komi upp, er guð sér at mér gegnir bezt. Skulum vér því treystast, at vér höfum réttara at mæla en bæendr, ok því þar með, at guð muni oss frelsa eigur várar eptir orrostu þessa, en elligar veita oss miklu meiri laun fyrir þat lát, er vér fám hér, en vér kunnim sjálfir at æskja oss. En ef ek hlýt um at mæla eptir orrostu, þá skal ek gæða yðr hvern eptir sínum verðleikum, ok því, hvernug hverr gengr fram í orrostu; mun þá, ef vér höfum sigr, vera gnógt bæði lönd ok lausir aurar at skipta því með yðr, er nú fara með áðr úvinir várir. Veitum sem harðasta atgöngu hina fyrstu, því at skjótt mun um skipta, ef liðsmunr er mikill, eigum vér sigrs ván

Конунг построил войско и обратился к нему с речью. Он сказал: что, когда начнется битва, люди должны проявить мужество и смело идти вперед.

— У нас хорошее и большое войско, — говорит он, — и хотя у бондов войско немного больше нашего, судьба решит, кому достанется победа. Но я должен объявить вам, что в этом бою я не отступлю. Я либо одержу победу над бондами, либо погибну в бою. Я буду молить бога, чтобы мне было суждено то, что он считает для меня наилучшим. Мы полагаемся на то, что мы стоим за правое дело, а не бонды, и что бог вернет нам наши владения после этой битвы или вознаградит нас за потери, которые мы понесем, лучше, чем мы сами того можем пожелать. И если после этой битвы это будет в моей власти, я воздам каждому из вас по заслугам и по тому, как вы бились в этом сражении. Когда мы одержим победу, то и земли, и добро, которые сейчас принадлежат нашим врагам,

af skjótum atburðum; en hitt mun oss þungt falla, ef vér berjumst til mæði, svá at menn verði fyrir því úvígir; munu vér eiga minna deildarlið en þeir, er ymsir ganga fram, en sumir hlífast ok hvílast. En ef vér gerum svá harða hríðina, at þeir snúa undan, er fremstir eru, þá mun hverr falla yfir annan, ok verða þeirra úfarar þess at meiri, er þeir eru fleiri saman...

Ólafir konungr var svá búinn, at hann hafði hjálm gyltan á höfði, en hvítan skjöld, ok lagðr á með gulli kross hinn helgi; í annarri hendi hafði hann kesju, þá er nú stendr í Kristskirkju við altara. Hann var gyrðr sverði því, er Hneitir var kallat, hit bitrasta sverð, ok gulli vafiðr meðalkaflinn. Hann hafði hringabrynju.

Frá því er nú at segja, er áðr var frá horfit, at lendir menn ok böendr höfðu saman dregit her úvígjan, þegar er þeir spurðu, at konungr var austau farinn or Garðaríki, ok hann var kominn til Svíþjóðar. En er þeir spurðu, at hann var austan kominn til Jamtlands, ok hann ætlaði at fara austan um Kjöl til

будут нашими, и мы сможем поделить их между вами. Будем сразу же решительно наступать, тогда исход битвы может быстро решиться, даже если наши силы неравны. В быстром натиске залог нашей победы. Но нам придется плохо, если сражение затянется и наши люди так устанут, что не смогут сражаться. К тому же у нас гораздо меньше людей, которые могли бы прийти на смену уставшим и дать им возможность отдохнуть. Но если наш натиск будет так силен, что их первые ряды дрогнут, то, отступая, они сомнут тех, кто будет позади них, и чем больше их там будет, тем большим будет их смятение...

Олав конунг был вооружен так: на голове у него был позолоченный шлем, в одной руке — белый щит со святым крестом из золота, в другой — копье, которое стоит теперь в алтаре в Церкви Христа, у пояса — меч Хнейтир, очень острый меч с рукоятью, обвитой золотом. На конунге была кольчуга².

Теперь надо вернуться к тому, на чем мы остановились раньше. Узнав, что Олав конунг уехал с востока из Гардарики и приехал в Швецию, лендрманны и бонды собрали несметную рать. А узнав, что конунг направился с востока в Ямталанд и собирается дальше на запад через

² Как правило, в древнегерманских текстах кольчуга именуется просто «броней», но здесь употреблено составное слово – «кольцеброня» (др.-исл. hringabrynja).

Veradals, þá stefndu þeir herinum inn í Þrándheim, ok sömnuðu þá saman þar allri alþýðu, þegn ok þræl, ok fóru svá inn til Veradals, ok höfðu þar svá mikit lið, at engi maðr var sá þar, er í Noregi hefði sét jafnmikinn her saman koma. Var þar, sem jafnan kann verða í miklum her, at lið var þar allmisjafnt; þar var mart lendra manna ok mikill fjöldi ríkra búanda, en þó var hitt allr múgr, er váru þorparar ok verkmenn; ok var þat allr meginherrinn, er þar hafði saman samnast í Þrándheimi; var þat lið allmjök geyst til fjandskapar við konung.

Knútr konungr hinn ríki hafði lagt undir sik land alt í Noregi, sem fyrr var ritat, ok þat með, at hann setti þar til ríkis Hákon jarl. Hann fékk jarli hirðbiskup, þann er Sigurðr er nefndr; var hann danskr at kyni ok hafði lengi verit með Knúti konungi. Var biskup sá ákafamaðr í skapi ok sundrgerðamaðr í orðum sínum; veitti hann Knúti konungi orðafullting alt, þat er hann kunni, en var hinn mesti úvinr Ólafs konungs. Sá biskup var í her þessum ok talaði optliga fyrir búandaliði ok eggjaði mjök uppreistar móti Ólafi konungi.

Sigurðr biskup talaði á einu húspingi, þar sem þá var mikit fjölmenni. Hann tók svá til orða: Hér er nú saman komit mikit fjölmenni, svá at í þessu fátækja landi mun eigi kostur at sjá meira ber innlenzkan; skyldi yðr nú vel í hald koma þessi styrkr fjölmennis, því at nú

Къёль в Верадаль, они двинули свое войско в Трандхейм, собрали там весь народ, и свободных, и рабов, и направились в Верадаль. У них было несметное войско. Никто в Норвегии раньше не видел такой рати. Как в любом большом войске, там были разные люди: там было много лендрманнов и могущественных бондов, но был и простой народ — поселяне и работный люд. Главная часть этого войска была собрана в Трандхейме. Эти люди были особенно озлоблены против конунга...

Как уже раньше было написано, Кнут Могучий захватил всю Норвегию и сделал Хакона ярла ее правителем. Он дал ярлу придворного епископа по имени Сигурд, датчанина родом, который долго был у Кнута конунга. Этот епископ был человеком решительным и очень красноречивым. Он поддерживал в своих речах, как мог Кнута конунга и был злейшим недругом Олава конунга. Епископ тоже был в войске бондов и часто обращался к бондам с речами, подстрекая их биться против Олава конунга.

Однажды Сигурд епископ говорил на тинге, где собралось очень много народу. Он начал свою речь так: Сигурд датский епископ говорит с бондами.
— Здесь собралось очень много народу. В такой бедной стране вряд

er ærin nauðsyn til, ef Ólafr þessi ætlar enn eigi af at láta at herja á yðr. Vandist hann því þegar á unga aldri at ræna ok drepa menn, ok fór til þess víða um lönd; en at lyktum sneri hann hingat til lands, ok hóf svá upp, at hann úvingaðist mest þeim, er beztir menn váru ok ríkastir, Knúti konungi, er allir eru skyldastir at þjóna, sem kunnu, ok settist hann í skattland hans. Slíkt sama veitti hann Ólafi Sviakonungi, en jarlana Svein ok Hákon rak hann á brott af ættleifðum sínum; en sjálfs síns frændum var hann þó grimmastr, er hann rak konunga alla á brott af Upplöndum; ok var þat þó vel sums kostar, því at þeir höfðu áðr brugðit trú sinni ok swardögum við Knút konung, en fylgt þessum Ólafi at hverju úráði, er hann tók upp. Nú sleit þeirra vináttu makliga; hann veitti þeim meizlur, en tók undir sik ríki þeirra, eyddi svá í landinu öllum tignum mönnum. En síðan munut þér vita, hvernug hann hefir búit við lenda menn: drepnir eru hinir agæztu, en margir orðnir landflótta fyrir honum. Hann hefir ok víða farit um land þetta með ránsflokkum, brent heruðin, en drepit ok rænt fólkit; eða hvern er sá hér ríkismanna, er eigi muni honum eiga at hefna stórsaka? Nú ferr hann með útlendan her, ok er þat flest markamenn ok stigamenn, eða aðrir ránsmenn; ætlit þér hann nú munu yðr linan, er hann ferr með þetta illþýði, er hann gerði þá slík hervirki, er allir löttu hann, þeir er honum fylgðu? Kalla ek hitt ráð, at þér minnizt nú orða Knúts konungs, hvat hann réð yðr, ef Ólafr leitaði aptr til lands, hvernug þér skyldut halda frelsi yðru, því er Knútr konungr hét yðr. Hann bað yðr standa í mót ok

ли когда-нибудь можно будет увидеть большее войско из местных жителей. Такая сила вам сейчас очень кстати. Она вам сейчас очень нужна, так как этот Олав не собирается прекращать свои походы против вас. С молодости он привык грабить и убивать людей, разъезжая по разным странам. Наконец, он приехал сюда в эту страну и начал с того, что стал недругом всех ваших самых лучших и могущественных мужей, а также Кнута конунга, которому все должны служить по мере своих сил. Он обосновался в стране, которая должна платить подати Кнуту конунгу. Он потворствовал Олаву конунгу шведов, а ярлов Свейна и Хакона он изгнал из их вотчины. Он был жесток даже со своими родичами, когда изгнал всех конунгов из Уплёнда, хотя, с другой стороны, это было и хорошо, так как они нарушили клятву верности Кнуту конунгу и помогали Олаву во всех его злодеяниях. А потом их дружба расстроилась, как и следовало ожидать. Он велел их покалечить, захватил их владения, и в стране совсем не осталось конунгов. Вы хорошо знаете, как он обошелся с лендрманнами: самые уважаемые из них убиты, а многим пришлось бежать от него из страны. Он много разъезжал по этой стране с шайкой разбойников, жег селения и убивал, и грабил народ. Есть ли здесь хоть один могущественный муж, кому не за что было бы отомстить Олаву конунгу? А теперь он явился сюда с иноземным войском, в котором большинство — лесные люди, грабители и разбойники. Вы думаете, он пощадит

rekast af höndum úaldarflokka slíka. Er nú sá til, at fara móti þeim, ok drepa niðr illþýði þetta fyrir örn ok úlf, ok láta þar liggja hvern, sem höggvinn er, nema þér vilit heldr draga hræ þeirra í holt ok hreysi; verði engi svá djarfr, at þá flyti til kirkna, því at þat eru alt víkingar ok illgerðamenn. En er hann hætti tölu þessi, þá gerðu menn at róm mikinn, ok guldu allir jákvæði til, at gera sem hann mælti...

...Veðr var fagrt, ok skein sól í heiði. En er orrosta hófst, þá laust roða á himininn, ok svá á sólna, ok áðr en létti, gerði myrkt sem um nótt. Ólafr konungr hafði fylkt þar, er hæð nökkur var, ok steiptust þeir ofan á lið bónda ok veittu svá hart athlaupit, at fylking bónda bognaði fyrir, svá at þar stóð þá brjóstit konungs fylkingar, sem áðr höfðu staðit þeir, er efstir váru í búandaliði; ok var þá bóndaliðið mart búit at flýja, en lendir menn ok lendra manna húskarlar stóðu fast, ok varð þá allsnörp orrosta...

Þá sótti lið búanda at öllum megin. Hjoggu þeir, er fremstir stóðu, en þeir,

вас теперь, когда он нагрнулся с войском злодеев? Ведь он и раньше совершал злодеяния, от которых его отговаривали даже те, кто следовал за ним. Я советую вам вспомнить слова Кнута конунга. Он говорил вам, как отстоять свою свободу, которую вам обещал Кнут конунг, если в страну вернется Олав. Он призывал вас дать ему отпор и прогнать эту шайку разбойников. Надо пойти против этой шайки и перебить их всех, и сделать их добычей орлов и волков. И пусть они лежат там, где их убили, разве что вы захотите оттащить их трупы в пустынное место и завалить камнями. Пусть никто не посмеет перенести их трупы в церковь, ведь все они викинги и злодеи.

Когда он кончил эту речь, все одобрительно зашумели и обещали сделать все так, как он сказал...

...Погода была хорошая, и светило солнце. Но когда началось сражение, то и небо и солнце побагровели, а потом вдруг стало темно, как ночью.

Олав конунг поставил свое войско на возвышенности, и оттуда его люди бросились вниз на войско бондов. Их натиск был так силен, что бонды отступили, и первые ряды войска конунга оказались там, где раньше стояли последние ряды бондов. Бонды уже собирались обратиться в бегство, но лендрманны со своими дружинниками не дрогнули, и завязалась ожесточенная битва...

Тут войско бондов стало нападать со всех сторон. Те, кто были в первых рядах, рубились мечами, те, кто стоял за ними, кололи копьями, а все, кто

er þar váru næst, lögðu spjótum, en allir þeir, er síðar gengu, skutu spjótum eða örum, eða köstuðu grjóti eða handöxum eða skeptiflettum. Gerðist þá brátt bardagi mannskæðr, ok féll mart af hvárumtveggjum...

Þá er Ólafr konungr gékk fram or skjaldborginni ok í öndurða fylking, ok bæendr sá í andlit honum, þá hræddust þeir ok féllust þeim hendr...

Þá varð allhörð orrosta. Gékk konungr hart fram sjálfr í höggorrostu...

Ólafr konungr barðist þá alldjarfliga. Hann hjó til Þorgeirs af Kviststöðum, lends manns, þess er fyrr er getit, um þvert andlit ok í sundr nefbjörg á hjálminum ok klauf höfuðit fyrir neðan augu, svá at nær tók af...

...Þorsteinn knarrarsmiðr hjó til Ólafs konungs með öxi, ok kom þat högg á fótinn vinstra við knéit fyrir ofan. Finnir Árnason drap þegar Þorstein. En við sár þat hneigðist konungr upp við stein einn ok kastaði sverðinu, ok bað sér guð hjálpa. Þá lagði Þórir hundr spjóti til hans. Kom lagit neðan undir brynjuna

шли сзади, стреляли из лука, метали копьа, бросали камни и другое метательное оружие. Скоро разгорелась жесточайшая битва. Многие гибли и с той, и с другой стороны...

Когда конунг вышел из круга людей, защищавших его щитами, и прошел вперед, и бонды увидели его лицо, они исполнились ужасом, и у них отнялись руки...

Битва была очень жаркой, и сам конунг рубился в этой сече...

Олав конунг сражался отважно. Он нанес удар мечом по лицу лендрманну Торгейру из Квистстадира, который уже раньше упоминался, и рассек ему берму³ и голову ниже глаз, так что у того голова чуть не слетела с плеч...

...Тут Торстейн Корабельный Мастер нанес Олаву конунгу удар секирой. Удар пришелся по левой ноге выше колена. Финн сын Арни тотчас сразил Торстейна. Получив эту рану, конунг оперся о камень, выпустил меч и обратился к богу с мольбой о помощи. Тогда Торир Собака нанес ему удар копьем. Удар пришелся ниже кольчуги, и копье вонзилось в живот. Тут Кальв нанес конунгу удар мечом. Удар пришелся с левой

³ Буквально в саге говорится, что конунг перерубил противнику «защиту носа» (др.-исл. nefbjörg) — наносник раннесредневекового шпангенхельма сфероконической формы — шлема, бытовавшего в Европе с позднеримских времен до XII в. включительно.

ok rendi upp í kviðinn. Þá hjó Kálfr til hans. Kom þat högg hinum vinstra megin utan á hálsinn. Menn greinast at því, hvar Kálfr veitti konungi sár. Þessi þrjú sár hafði Ólafr konungr til lífláts. En eptir fall hans, þá féll sú flesit sú sveitin, er fram hafði gengit með konungi...

Þórir hundr gékk þar til, er var lík Ólafs konungs, ok veitti þar umbúnað, lagði niðr líkit ok rétti, ok breiddi klæði yfir. Ok er hann þerði blóð af andlitinu, þá sagði hann svá síðan, at andlit konungsins var svá fagrt, at roði var í kinnum, sem þá at hann svæfi, en miklu bjartara en áðr var, meðan hann lifði. Þá kom blóð konungsins á hönd Þóri ok rann upp á greipina, þar er hann hafði áðr sár fengit, ok þurfti um þat sár eigi umband þaðan ífrá, svá greri þat skjótt. Váttaði Þórir sjálf þenna atburð, þá er helgi Ólafs konungs kom upp fyrir alþýðu. Varð Þórir hundr fyrstr til þess át halda upp helgi konungsins, þeirra ríkismanna, er þar höfðu verit í mótstöðuflokk hans.

стороны шеи. Но люди по-разному говорят о том, куда Кальв ранил конунга. От этих трех ран конунг умер. После его гибели пали почти все, кто сражался рядом с ним...

Торир Собака пошел к телу Олава конунга и убрал его, как полагается. Он положил тело конунга на землю, распрямил его и накрыл. Он говорил потом, что, когда он вытирал кровь с лица конунга, оно было прекрасно, и на щеках его играл румянец, как у спящего, но только ярче, чем при жизни. Кровь конунга попала на кисть Торира, на то место, где у него была рана, и ему не понадобилось ее перевязывать, так быстро она зажила. Торир сам рассказывал об этом чуде, когда святость Олава конунга стала явной для всех. Торир был первым из знатных людей в войске врагов конунга, кто признал святость конунга.

[Снорри Стурлусон 1995: 353 — 364]
(Перевод с древнеисландского Ю.К. Кузьменко).

В Дании тинговое народоправство сохранялось вплоть до конца XII столетия. Саксон Грамматик в своем огромном труде *Gesta Danorum* («Деяния данов»), охватывающем историю Дании от времен легендарных конунгов до последних десятилетий XII в., особенно акцентирует внимание на ведущей роли трех тингов: на о. Зеландия (где располагались издревле пиршественные палаты конунгов данов [Christensen]), полуострове Ютландия и в датской житнице Сконе (ныне – Южная Швеция) в избрании конунгов. В кровавой борьбе за власть между

потомками конунга Свена II Эстридсена в первой половине XII столетия решения областных датских тингов, поддерживающих различных претендентов (как правило, Зеландский и Сконский тинги противостояли Ютландскому) в борьбе за престол конунга Дании, играли ведущую роль [Sawyer, Fenger, Hørby 1989; Skovgaard-Petersen, Christensen, Paludan 1977; Skyum-Nielsen 1971]. Конечно, это в первую очередь – показатель силы бондов, богатства и влияния их верхушки и признак того, что дружинам конунгов еще не под силу было противостоять народному ополчению бондов вплоть до второй половины XII века. Таким образом, и в Дании система взаимодействия конунгов и бондов, родовой военной знати и народных тингов как в X, так и в первой половине XII века, существенно не отличалась. Бонды и воля тингов играли решающую роль. В этой связи показательно, например, описание участия областных тингов Дании в вооруженной борьбе за власть в XII веке в XIV книге «Деяний данов» Саксона Грамматика. Лицам, защищавшим на областных тингах 1147 года кандидатуру конунга Свена, как видно из повествования Саксона, необходимо было проявить недюжинные дипломатические таланты, чтобы настроить датских бондов в свою пользу и добиться согласованных решений, в данном случае, влиятельных тингов о. Зеландии и области Сконе.

14.3.1. Defuncto Erico, ambiguum plebis de regno suffragium fuit. Quippe Kanutus in Iutia, Sueno apud syalandiam, Magni alter, alter superioris Erics filius, ingenti ambitu regnum petebant. Siquidem hunc paterna, illum avita merita venerabilem faciebant. Suenone itaque Sialandensium suffragia ambiente ac plerisque petitionem eius favorabiliter accipientibus, Olavus cognomine Balbus, prisci moris aemulatione permotus, cunctos, qui regium ei nomen tribuerent, ipsumque,	{14. 3. 1.} По кончине Эрика, мнение народа касательно выбора короля разделилось. С великим тщанием королевства домогались Кнут в Ютии, а Свен - в Зеландии, один – сын Магнуса, а другой – предшественника [его] Эрика. Одному оказывали почтение за отцовские, а другому - за дедовские заслуги. Итак, Свен добивался избрания зеландцев, и когда большинством прошение его уже было благосклонно принято, Олав по
---	--

si reciperet, execratus, adduci se posse negabat, ut in hanc vocem inconsulta patriae maiestate procurreret aut regium honorem privato praeter publicum regni consensum deferret. Siquidem electionis locum Sialandiam esse, ius vero penes popularis arbitrii communitatem consistere memorabat. Haesitantibus cunctis atque a sententia aliquantulum cedentibus, Steno quidam, spreto veterum ritu, Suenonem occultis, se promissis aggressum regio primus nomine censuit maioremque contionis partem ad similem vocis ausum induxit. Itaque sententiam eius prosecutum vulgus, quod arbitrio suo paulo ante permittere verebatur, pari mox suffragio comprobabat...

14.3.3. Kanutus quoque eodem a Iutis honore provehitur, indignantibus Suenonem temeraria geminae contionis audacia regium occupasse vocabulum. Inde Sialandiam potiendae eius libidine iisdem fretus accedit.

прозвищу Заика, ревностный сторонник старинного обычая, проклиная всех, которые ему [Свену] пожаловали бы королевское имя, и самого его [Свена], если [он] примет [королевское звание], сказал, что не мог [согласиться], чтобы (можно было бы) без всеобщего выражения мнения поступиться достоинством отечества, (что нельзя) предоставлять королевское звание частным образом без общественного согласия в королевстве. Хотя местом выборов была Зеландия, он напомнил про право [выбора конунга], что ведь оно зиждется на общем решении народа. Когда [все] колебались и (в нерешительности) медлили, и даже отказывались от какого-нибудь суждения, некий Стен, презрев старинный обычай, (побуждаемый) тайными обещаниями (претендента) Свена, первый королевским именем (Свена) назвал, и большая часть (народного) собрания дерзнула подать голос за Свена. И вот, это решение [проголосовать за Свена – И.Г.], народ, который мнению своему едва ли прежде позволял проявиться, тотчас голосованием вполне одобрил. {14. 3. 3} Также Кнут той же чести [избрания конунгом] удостоился от ютов, недовольных безрассудной дерзостью двух собраний, (на которых) Свен захватил королевское звание. Затем он (Кнут) выступил (в) Зеландию, твердо желающий обладания ею (королевской властью). (Перевод с латинского И.Б. Губанова)

Коренные перемены произошли в датском обществе в период правления

Вальдемара I (1157 – 1182). Эти важнейшие изменения связаны с подавлением восстания в Сконе в конце правления короля Вальдемара I. Бонды, преимущественно возмущенные взиманием церковной десятины, восстали в житнице Дании – плодородной области Сконе на юге скандинавского полуострова. Церковная верхушка, заинтересованная в сборе церковной десятины и дружина епископа сыграли в подавлении восстания сконских бондов главную роль. Дружинная знать конунга и его главного военачальника и выдающегося флотоводца, архиепископа Абсалона, которая ранее смогла добиться важных успехов в объединении и укреплении страны и в победах над внешними врагами (например, балтийскими славянами: остров Рюген с главным его святилищем – городищем Аркона с огромной статуей бога Свентовита и несметными сокровищами, был взят данами при Вальдемаре I и Абсалоне), разбив народное ополчение области Сконе, оказалась способной положить конец древнегерманскому народоправству в Дании. Пешее ополчение бондов не смогло противостоять конной дружине епископа Абсалона, вооруженной примерно так же, как нормандские рыцари в битве при Гастингсе более столетия назад или дружинники князей домонгольской Руси или новгородских бояр. Тяжеловооруженная конница в XI – XII вв. по всей Европе имела почти однотипное снаряжение: кольчуги и конические шлемы с широкими наносниками типа шпангенхельмов, подобные тем, которые носили еще позднеримские конные клебанарии в IV в. н.э., миндалевидные щиты, копья и мечи, удобные для боя с коня. Клиент епископа Абсалона Саксон Грамматик, негативно относящийся к «мужичью» и симпатизирующий знати и новым порядкам, так описывает требования восставших и презрительное отношение к ним конных тяжеловооруженных дружинников епископа Абсалона – отборной военной силы датского государства – в XV книге «Деяний данов»: «{15. 4. 16} Затем здесь же у них состоялись две встречи с воинами Скании. Те из них, у которых король попросил совета в том, что ему делать, чтобы успокоить восставших, уговаривали

его отстранить от власти в Скании Абсалона и всех прочих иноземных наместников, утверждая, что их отсутствие, как ничто другое, способно успокоить всеобщее помешательство, которое направлено не против самого короля, а единственно против недобрых дел этих людей. Того же мнения были и воины из Ютии. Как говорят, желать ухода Абсалона их заставило отчасти сильное неприятие [церковной – И.Г.] десятины, которая недавно была установлена в Скании и Съяландии, а отчасти – страх, вызванный воспоминаниями о сражении <при Фотеви́г>. Куда более благородным было решение всадников самого Абсалона. Они сказали, что та мощь, которой они располагают как благодаря своим друзьям, так и своему [благородному] происхождению и вооружению, позволяет им надеяться на то, что они смогут и без помощи королевских воинов спокойно и безопасно обойти со своим господином каждую из областей Скании, какое бы сопротивление не попыталось им оказать оказавшееся у них на пути здешнее мужичье...» [Саксон Грамматик 2017: 296 – 300] (Перевод с латинского А. С. Досаева).

В решающей битве тяжеловооруженной коннице Абсалона удалось разгромить пешее ополчение бондов из Сконе, сбросив обороняющихся с моста.

15.4.27. In ponte res gesta est, utrisque transitum anticipare studentibus. Anceps diu proelium fuit, insignis illic agrestium pugna exstitit. Quorum aciem Absalonis equites per ignoti vadi compendium irrumpentes, repentinam victoriam edidere. Multi illic popularium caesi, compluribus amnis exitio exstitit; ferrum vitantes aqua periclitati sunt. Reliquiae fuga servatae.	{15. 4. 27} На мосту велось сражение, и те, и другие (ревностно) стремились перейти (его) первыми. Долго сомнительной (по исходу) битва была, (вот так) шел тот достопамятный (для) мужичья бой. (И вот) отряд всадников Абсалона, по тайному броду кратчайшим путем ворвавшись, добился неожиданной победы. Многие из простонародья (были) убиты, еще большему их числу река гибелью стала; уцелевшие от железа были погублены водой. Остатки спаслись бегством. (Перевод с латинского И.Б. Губанова)
---	---

Окончательно сопротивление бондов было сломлено уже после смерти

короля Вальдемара I, после т.н. «третьего мятежа» жителей Сконе в 1182 г, когда сюда вновь вторглись из Зеландии дружинники епископа Абсалона. Протеже епископа Абсалона, Саксон Грамматик, выступает явным идеологом власти феодальных «господ», противопоставляя благородную знать «народу» или «черни». Помимо совершенно немыслимого в эгалитарном обществе бондов, но весьма характерного для стратифицированного феодального общества словоупотребления Саксона Грамматика, следует обратить внимание, что источником права здесь выступает власть, а не народ, как традиционно было присуще обществу бондов, а некогда вольные бонды, под угрозой копий и мечей дружинников епископа, были вынуждены «довольно громко, хотя и без особой радости в голосе» одобрить «своими криками каждое из предъявленных им решений», и народ «в дальнейшем больше не осмеливался высокомерно относиться к власти своих господ» (Перевод с латинского А.С. Досаева).

16.1.7 [1] Nec contenti popularium spiritus bis bellum potentibus intulisse, collecta contione, tertium adversum eosdem indicere gravati non sunt, suscepti vulneris dolorem consternationis furori permixtum communi nobilitatis exitio pensaturi... 16.1.8 [2] Siquidem sublati vexillis deputatum contioni locum ingressus, non solum turbulentissimo plebis proposito obstitit, sed etiam leges, quae iniquissimis eiusdem suffragiis convulsae fuerant, piissimo iudicii decreto ad pristinae auctoritatis habitum reduxit... [6] Plebs quoque nihil hostile ausa, armis summa cum proposito dissimulatione depositis, Absalonis se turmis tranquillo contionandi more iungebat, singulis iudiciorum suffragiis alacrius quam libentius succlamando.	{16.1.7} Не удовлетворенные [тем, что уже] дважды побуждали простолудинов объявить войну вельможам, созвав собрание, не остановились перед тем, чтобы объявить и третью им, склонные боль [от] ран смешаную [с] мятежной яростью, возместить полным уничтожением знати... {16.1.8} Так (Абсалон) [с] поднятыми знаменами [на] предназначенное для собрание место вступив, не только буйному намерению черни воспрепятствовал, но даже законы, которые самыми несправедливыми голосами (народного собрания) были уничтожены, наисправедливейшим законным декретом привел в прежнее высоко чтимое состояние... Также и народ никакой враждебности не дерзнул [проявить] и, сложив все оружие, наличное и укрытое, с
--	--

[7] Ita terribilis illa ac diutina seditio simul cum contione finem habuit, funesto plebis conatu ulterius adversum principum collegium inolescere non audente.	конницей⁴ (Абсалона [по] мирному обычаю собравшись, воссоединился, каждому из приговоров (Абсалона) скорее возбужденно, чем охотно, криком выражая одобрение. Так тот ужасный и продолжительный мятеж закончился с эти народным собранием, далее чернь не осмеливалась проявлять наглость к злосчастной попытке [восстать] против сословия знати». (Перевод с латинского И.Б. Губанова)
--	---

Вышеописанные события по существу открывают новую эпоху в истории общества средневековой Дании – эпоху профессиональной армии из служилой знати, которую кормит крестьянство, переставшее играть роль главной *вооруженной* силы в обществе. Сначала крестьянство обеспечивает королевских и епископских дружинников посредством налогов в пользу раннего государства, а затем во все возрастающей степени – индивидуально, когда дружинникам стали выделяться земельные владения, превращая их в феодалов (надо сказать, усадьбы королевских дружинников уже упоминаются в «Деяниях данов» Саксона Грамматика). Однако, в принципе, не очень важно, перераспределялись ли средства на содержание военизированного господствующего класса через чиновников короля, или шли непосредственно с платящих оброк и сидевших на земле господина крестьян индивидуальным феодалам, что в XIII – XIV вв. в Дании также все более и более практиковалось, причем при активном участии нижненемецких феодалов.

Налоги в пользу дружины конунга существовали в Скандинавии давно, тут невозможно определить хронологическую границу, однако это не ущемляло народоправства бондов, хотя бывали и периоды их притеснения. Например, в Норвегии – довольно рано, при объединителе страны Харальде Прекрасноволосом

⁴ turma – десятая часть целого отряда римской конницы (ala). В данном случае у Саксона Грамматика – просто обозначение конницы.

права бондов ущемлялись, что вызвало массовую эмиграцию в Норвегию. Однако вскоре, при Хаконе Добром, права бондов были в значительной степени восстановлены.

Между тем четкая грань между традиционным обществом бондов и обществом, состоящим из немногочисленного слоя военизированной знати и кормящего эту элитную страту крестьянства, пролегает именно через победу Абсалона и Вальдемара над бондами Сконе в 1179 - 82 г. Естественно, такой исход вооруженного противостояния дружины, представляющей господствующий отныне класс, и ополчения бондов был подготовлен подспудно назревавшими в течении длительного времени социально-экономическими процессами, способствовавшими усилению знати и ослаблению исконно главной социальной силы традиционной Скандинавии – общества бондов.

Более поздние источники в подробностях описывают уже иное, по сути, сословное, феодальное общество. Так, стратификация общества на тех, кто обязан воевать, и тех кто, по существу, был обязан пахать на эту армию господ, особенно ясно просматривается по юридическим источникам первой половины XIII столетия, времени правления Вальдемара II – по «Земельной книге» короля Вальдемара II (1231 г.) и по некоторым статьям Ютландского права. Само составление «Земельной книги» при Вальдемаре II показательно и отражает саму суть произошедших глубочайших общественных изменений. Королевская власть стала рассматривать «одальбондов» прежде всего как тягловое сословие, невооруженное и обязанное заниматься сельским хозяйством и платить государству налоги, которые шли, в том числе, и на содержание профессиональной армии тяжеловооруженной конницы. По «Земельной книге» можно судить о характере земельной собственности, о налогах и феодальных рентах и проч. Около 1200 г. было введено государственное поземельное обложение, и при Вальдемаре II самым обременительным государственным налогом была стала «плужная подать – *stud* – которую в Зеландии вместе с островами Мён, Фальстер и Лоллан обязаны

были платить 10 тыс. одалей, согласно «Земельной книге». В определенных статьях Ютландского права зафиксировано новое правовое положение основной вооруженной силы – конных *херрманов*, владевших собственностью в три крестьянских двора и получавших жалование за службу, лично свободных, но утративших былое влияние *одальбондов*, а также свободных поместных держателей – *ландбю*, ущемленных в правах *хусманов*, отрабатывавших барщину и проч. [Erslev 1972: 199 – 203; Hansen 1964; Jørgensen P. J. 1947; Kroman 1936; Lindkvist 1979: 156; Meyer 1956: 95; Neveus 1974: 14 – 16, 26 – 30; Riis 1979: 1 – 20; Skrubbeltrang 1956 – 1976. Bd. II: 83; Steenstrup 1874]. Таким образом, в конце XII века Дания первой из скандинавских стран вступила на путь формирования сословного феодального общества западноевропейского типа.

Список источников:

1. Байок Дж. Л. Исландия эпохи викингов. М., 2012.
2. Губанов И. Б. Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества Древней Скандинавии. Исследование, тексты и переводы. СПб., 2016.
3. Губанов И. Б. «О происхождении и местоположении германцев» Публия Корнелия Тацита как главный источник по социальной структуре и общественным отношениям германцев в первом тысячелетии нашей эры // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2016 г. СПб., 2017. С. 30 – 40.
4. Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. М., 2009.
5. Гуревич А. Я. Формирование крестьянства в Скандинавских странах (IX- XIII вв.) // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. I. Формирование феодально-зависимого крестьянства. - М.: Наука, 1985. С. 296 – 313.
6. Диодор Сицилийский. Греческая мифология. (Историческая

- библиотека) / Перевод с древнегреческого О. П. Цыбенко. - М.: «Лабиринт», 2000.
7. Кузьмин С. Л. Ладога и Воронега. Оборона и победа. 1164 год. Кириши, 2015.
 8. Кулланда С. В. Древняяванское государство и проблема «деспотизма» в ранних обществах // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 381 – 390.
 9. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
 10. Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. – М.: Наука, 1993.
 11. Саксон Грамматик. Деяния данов. В 2-х томах (16 книгах). Т. 2. Книги XI – XVI / Перевод с латинского А. Досаева, под ред. И. А. Настенко. – М.: «SPSL» - «Русская панорама», 2017. – 616 с., ил. – (MEDIÆVALIA: средневековые литературные памятники и источники)
 12. Снорри Стурлусон. Круг Земной. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», «Наука», 1995.
 13. Хлевов А. А. Начало эпохи викингов – о правомочности формулировки // Скандинавские Чтения 2016 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2018. С. 17 – 26.
 14. Erslev K. Valdemarernes Storhedstid. Studier og omrids. Kbh., 1972. S. 199 – 203.
 15. Hansen S.A. Adelsvældens grundlag. Kbh., 1964.
 16. Jørgensen P. J. Dansk Retshistorie. Kbh., 1947.
 17. Kroman E. Konig Valdemars jordebog. Et Haandskrifts Historie. Kbh., 1936.
 18. Lindkvist Th. Landborna I Norden under äldre medeltid. Uppsala, 1979. S. 156 a. a.
 19. Meyer P. Almindig // // Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder

fra vikingetid til reformationstid. København; Stockholm; Oslo. 1956 – 1976. Bd. I. S. 95 f.

20. Neveus C. Trälarna i landskapslagarnas samhälle Danmark och Sverige. Uppsala, 1974. S. 14 – 16, 26 – 30.

21. Riis Th. Villici og coloni indtil 134 . Et forsøg pa en begrabsanalyse // Landbohistoriske Studier tilegnede Friedlev Skrubbeltrang påhalvfjerdsårsdag den 5. August 1970. Kbh., 1979. S. 1 – 20.

22. Sawyer P., Fenger O., Hørby K. Gyldendal og Politikens Danmarks historie. Kbh., 1989. Bd. 3 – 5.

23. Skovgaard-Petersen I., Christensen A. E., Paludan H. Danmarks historie. Kbh., 1977. Bd.1.

24. Skyum-Nielsen N. Kvinde og Slave: Danmarks historie uden retouche. Kbh., 1971.

25. Skrubbeltrang F. Bonde // Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid. København; Stockholm; Oslo. 1956 – 1976. Bd. II S. 83f.

26. Steenstrup J. Studier over Kong Valdemar jordebog. Kbh., 1874.